

А.В. Громова

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ РАННЕЙ ПРОЗЫ К.Г. ПАУСТОВСКОГО: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Статья затрагивает вопрос о роли интертекста в ранней прозе К.Г. Паустовского. Анализируются реминисценции из прозы Б.К. Зайцева и поэзии И.А. Бунина в романе «Романтики». Показана концептуальная роль скрытых цитат. Делаются выводы о идейно-эстетической близости творчества названных авторов. Выдвигается гипотеза о значимости интертекста как приёма в поэтике К.Г. Паустовского.

Ключевые слова: К.Г. Паустовский; Б.К. Зайцев; И.А. Бунин; интертекст; реминисценции.

Раннее творчество К.Г. Паустовского долгое время воспринималось читателями и исследователями как период ученичества и не становилось объектом серьёзного филологического анализа. Забвению были преданы не только первые рассказы, но и два романа 1920-х годов — «Романтики» и «Блистающие облака». В «Литературной энциклопедии» 1930-х годов отмечалась лишь «проблема несоответствия мечты и действительности» в ранних произведениях Паустовского, а герой оценивался по степени «включённости в практику социальной борьбы» [7: с. 482–483]. Первый роман Паустовского «Романтики» в литературе о писателе нередко вообще не упоминался. Симптоматично, что в воспоминаниях одного из современников первыми произведениями Паустовского названы «Кара-Бугаз», «Колхида» и «Черное море» [8: с. 3]. Впоследствии в литературоведении сложилась схема «трех последовательных этапов» в творческом развитии Паустовского, причём проза первого этапа квалифицировалась как «экзотическая», оторванная от жизни и поэтому не особенно ценная [3: III, с. 341–346]. И лишь в последние годы появились работы, в которых высказывается мнение о необходимости пересмотреть утвердившуюся оценку как самих ранних произведений, так и их места в наследии художника [4: с. 9].

Вопреки распространённому представлению о незначительности первых опытов писателя следует заметить, что они весьма интересны как со стороны содержания, так и с точки зрения поэтики, одной из черт которой является интертекстуальность. В романах Паустовского 1920-х годов присутствует густой реминисцентный слой, важный для понимания концептуальной позиции автора. В качестве подтекста в этих произведениях выступает множество текстов, большинство из которых упоминается

прямо, причем упоминаниям нередко предшествует целый ряд аллюзийных цитат. Одно перечисление упомянутых в тексте имён и названий и поиск скрытых реминисценций могли бы стать предметом для обширного исследования. Задачей настоящей статьи является постановка вопроса о роли интертекста в ранних произведениях Паустовского, а также вопроса о динамике данного приёма в поэтике более поздних сочинений автора.

В тексте «Романтиков» встречается немало имён писателей и художников. Это не только классики мировой литературы (Гораций, Данте, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов, П.Б. Шелли, Г. Мопассан), но и представители европейского модернизма (Ш. Бодлер, П. Верлен, А. Рембо, О. Уайльд, М. Метерлинк, С. Пшибышевский, О. Гансон, Дж. Уистлер) и старшие современники молодого Паустовского (К.Д. Бальмонт, И. Северянин, В.В. Маяковский, И.А. Бунин, Б.К. Зайцев). Герои романа живут в пространстве мировой культуры: они спорят о Достоевском и Лермонтове, Хатидже переводит А. Франса, Сташевский пишет о А. Рембо в стиле С. Пшибышевского. Винклер называет Сташевского «лорд Байрон из Сквиры», судьба самого Винклера сравнивается с судьбой П.Б. Шелли, а Алексей, разнимая спорщиков, иронично говорит им: «Сошлись поэты, Бальмонты» [6: I, с. 45]. Симптоматично, что большинство реалий в тексте Паустовского связано с эпохой рубежа веков и модернистскими веяниями в искусстве. Любое имя собственное в контексте может рассматриваться как прецедентный текст, отсылающий к определённом кругу историко-культурных явлений. Но интертекстуальность данного произведения не ограничивается этим: многие его фрагменты могут рассматриваться как аллюзийные цитаты или реминисценции из чужих текстов.

Немало мотивных переключек обнаруживает текст «Романтиков» с прозой Б.К. Зайцева — с его романом «Дальний край» (1913) и повестью «Голубая звезда» (1918). Знакомство Паустовского с этими произведениями не подлежит сомнению. Так, в тексте «Романтиков» автобиографический герой Максимов сообщает, что читал «Дальний край» на фронте во время Первой мировой войны [6: I, с. 178], а «Голубую звезду» Паустовский упоминает среди своих любимых книг в автобиографической «Повести о жизни» [6: III, с. 706]. Сопоставительный анализ творчества этих писателей проводился в работах Н.А. Куделько [5], но вопрос о реминисценциях не ставился.

Зайцевский интертекст в «Романтиках» носит не только мотивообразующий характер, но и соотносится с идейной основой произведения. С «Дальним краем» связана расстановка персонажей и авторская концеп-

ция жизни, а также образ богемной Москвы накануне Первой мировой войны. Реминисценции из «Голубой звезды» в романе Паустовского помогают реализовать лирико-философскую концепцию любви и идею сакрализации женственности.

В романе Зайцева «Дальний край» три основных героя, каждый из которых воплощает определённый тип отношения к жизни: это революционер-террорист Степан, гедонист Алексей и сторонник эволюционного развития культуры Петр Лапин (художественный двойник автора). В романе Паустовского речь идёт также о судьбе друзей-«романтиков» (это волевой рационалист Сташевский, художник Винклер, мечтательный писатель Максимов). Говорить о точной проекции системы персонажей на персонажную «триаду» Зайцева, конечно, не приходится, но переклички в образах и судьбах некоторых героев достаточно отчётливы.

Например, художник Винклер в романе Паустовского в чём-то близок Алексею из «Дальнего края», несмотря на заметные различия в их характерах и отношении к жизни. Если Алексей страстен и азартен, стремится к чувственным наслаждениям и не любит размышлять, то Винклер подвержен рефлексии и мизантропичен. Он говорит о себе: «Дурацкий ум <...> Я смотрю на всё и осуждаю, как прокурор. Мне всё не нравится. По утрам я встаю и тотчас же наливаюсь ненавистью. Мне скучно» [6: I, с. 63]. Однако их объединяет «языческое» отношение к жизни. Например, рассуждение Винклера о «живом» чувстве истории завершается следующим признанием: «Я, как язычник, верю в приметы, сказки, в миф о рождении Афродиты, в рассказы моряков о Господней рыбе и плаче дельфинов» [6: I, с. 120]. Его мизантропия порождена той же тоской по идеальному, которая свойственна главному герою, Максиму. Парадоксальным образом сходны судьбы Алексея из «Дальнего края» и Винклера. Алексей гибнет от случайной пули во время охоты — вскоре после того, как утонула его возлюбленная. Согласно убеждению Зайцева, языческая устремлённость к земному и забвение духовной сущности человека роковым образом влияет на судьбу личности. Поэтому в художественном пространстве романа гибель Алексея и его подруги воспринимается как закономерное следствие их «языческого» восприятия жизни. В романе Паустовского Винклер тонет в море, причём его гибель оказывается замаскированным самоубийством из-за неразделённой любви. Его беда в том, что он не в состоянии преодолеть собственную замкнутость и выйти на широкий контакт с окружающим миром.

Центральный герой романа Зайцева «Дальний край» Петр Лапин — alter ego автора. Зайцев наделил его не только фактами собственной биогра-

фии, но и своими сокровенными размышлениями о смысле жизни, призвании, искусстве. Пережив увлечение революцией, Петя приходит к признанию первенства эволюционного пути развития общества, к утверждению непреходящих человеческих ценностей: любви, гуманности, культуры. Герой-рассказчик в «Романтиках» — начинающий писатель Максимов — близок Петру Лапину. Философская основа произведения — оправдание жизни (неслучайно и первая часть романа, и первый литературный труд Максимова названы «Жизнь»), а цель героя — в том, чтобы «слагаться», создавать себя, строить свою личность.

Можно отметить параллелизм и в структуре художественного пространства произведений Зайцева и Паустовского. В обоих текстах присутствует образ Москвы; кроме того, для обоих произведений важной составляющей является образ-концепт «дальний край».

Зайцев описывает Москву с любовью, а богемная беззаботность, свойственная периоду между революцией и войной, вызывает у него лишь добрую иронию: «Это было бурное время в искусстве. <...> Благородные зубные врачи и статистики призывали к заветам, Некрасову, шестидесятым годам. Юноши в красных галстуках — к Уайльду» [2: I, с. 433]. Писатель с юмором изображает бурные дебаты на литературных лекциях и дурачества молодёжи, создавшей шуточное «общество козлорогов». Максимов у Паустовского читает «Дальний край» на фронте и искренне смеётся над этими сценами, однако сам он не благоволит к торговой и расчётливой Москве — «городу астраханских базаров и лондонского Сити», а московскую богему описывает с нескрываемой неприязнью: «Тогда над Москвой стояла густая, как запах духов, певучая экстравагантность стихов Северянина <...> Процветали теософы. Люди играли грошовыми идеями, как величайшими открытиями, от общения с ними тошнило, как от патоки. Женоподобные нарумяненные мужчины не стыдились ходить по улицам, — был их век <...> Было тоскливо и тревожно. Я ждал каждый день событий, чего-то нового. Оно должно было случиться, должно было проветрить застоявшуюся Москву и Россию» [6: I, с. 78].

Образ «дальнего края» в романе Зайцева многосоставен. Это не только любимая писателем Италия, в которой оказываются все главные герои романа, переживая там лучшие часы жизни или даже — как Степан — внутренний переворот, меняющий отношение к миру и предопределяющий дальнейшую судьбу. Дальний край — это и «идеальные» страны духа. В романе Паустовского также присутствует представление о «дальнем крае» — это и противопоставленные Москве южные приморские города, где главного героя ждёт любимая девушка, и область идеального и прекрасного, куда устремляются душой его герои-романтики.

Максимов отчасти близок и другому герою Зайцева — Христофорову из «Голубой звезды». Христофоров — «аристократ духа», путник, проповедующий идею святой бедности. Герой Паустовского — романтик, устремлённый к идеалу, находящемуся за пределами обыденности. Он говорит о подобных себе: «Наш удел — нищета и бесцельное шатание среди людей. Наши лучшие минуты приходят тогда, когда мы плачем о прекрасных днях, прошедших мимо» [6: I, с. 46].

С «Голубой звездой» в романе Паустовского связана также концепция любви. Христофоров поклоняется голубой звезде Вега, которая для него является воплощением Вечной Женственности, трактуемой в духе идей В.С. Соловьева. Герой говорит о звезде: «Для меня она — красота, истина, божество. Кроме того, она женщина. И посылает мне свет любви» [2: II, с. 278]. Увлечённый Христофоровым Машура замечает: «Ваша любовь ко мне, как и к этой звезде Вега... <...> Это сон какой-то, фантазия, и, может быть, очень искренняя, но это... это не то, что в жизни называют любовью». Христофоров отвечает: «И неизвестно, не есть ли еще это настоящая жизнь, а то, в чём прозябают люди, сообщая ведущие хозяйство, — то, может быть, неправда...» [2: II, с. 279]. Христофоров искренне восхищается женщинами, но избегает «земных» привязанностей и семейной жизни, не имеет он и своего дома, оставаясь вечным странником.

Герой романа Паустовского также противопоставляет земную любовь и идеальное поклонение женственному началу, а о брачном союзе думает с нескрываемым отвращением: «В те дни я много думал о любви. Млеют городские барышни. Петушатся мужчины. Лунные ночи делают своё дело, и жирный свадебный обед освещает любовь. <...> Тогда тяжесть жизни, лишённой иллюзий, вызывает в самом потайном уголке души первую человеческую боль о том, чего не было, но что должно было быть» [6: I, с. 56].

Основу сюжета «Романтиков» составляет любовь Максимова к двум девушкам — Хатидже и Наташе, причём с первой героиней связано представление об идеальной, небесной любви, а со второй — о земной и жертвенной. Фон встреч с Хатидже — это юг, Черное море. Девушка признается Максиму в любви на берегу ночного моря, когда на небе ярко сияет *голубая Вега*. [6: I, с. 44]. Отсылкой к творчеству Зайцева представляется и появляющийся здесь «дантовский» мотив, также связанный с темой идеальной любви. Зайцев любил и знал итальянскую культуру, переводил «Ад» Данте и написал биографический очерк «Данте и его поэма» (1922), на протяжении всего творчества писателя прослеживается наличие «дантовского кода». У Паустовского герои во время объяснения видят над мо-

рем «зодиакальный» небесный свет: «Свет поднялся низким куполом над морем, он то разгорался, то потухал, и море то покрывалось приглушённым блеском, то уходило в черноту, в туман.

— Вы знаете, когда зодиакальный свет был виден в последний раз?

— Когда, Максимов?

— В ту ночь, когда Данте встретил Беатриче» [6: I, с. 44].

Таким образом, упомянутые отсылки к прозе Зайцева влекут за собой целый спектр историко-культурных аллюзий (творчество Данте, учение В.С. Соловьева и поэзия младосимволистов, варьиравших образы его религиозной философии), формируют представление о сакрализованном женственном начале мира и включают текст Паустовского в широкий контекст неореалистической культуры начала XX века.

В «Романтиках» встречаются также реминисценции из поэзии И.А. Бунина. Известно пиететное отношение Паустовского к литературному мастерству этого писателя. Автобиографический герой романа вспоминает, как слушал чтение Буниным его рассказов (вероятно, речь идёт о путевом цикле «Тень птицы»): «Его глухой голос без интонаций усыплял. Сюртук был застёгнут на все пуговицы <...> но за этим сюртуком вдруг расцвела жаркая Иудея и русский язык сверкал, как только что найденный клад золотых монет» [6: I, с. 78]. Для произведения Паустовского концептуально значимыми оказались стихотворения Бунина, в которых затронута тема «прапамяти» — «Собака» (1909) и «В горах» (1916). В стихотворении «Собака» даром воспоминаний о никогда не виданных землях наделяется даже животное [1: с. 319], а божественная способность человека «познать тоску всех стран и всех времён» переосмысливается Паустовским как печаль о чём-то прекрасном, но не воплощённом в реальности. Это то самое свойство, которое обозначено им как «романтика». Данное стихотворение Бунина перекликается с пассажем из романа Паустовского, посвящённым образу морской раковины. Слова скрипача Гарибальди: «Её взяли из моря <...> Она по морю скучает и всё шумит, как волна» — вызывают у главного героя романа Максимова мысли о запредельном: «Я думал о раковине. Человека тоже взяли от иной жизни и поселили в этом сером чистилище. Каждый томится по своему морю, которое помнит сердце. Я часто прислушиваюсь к себе, и, когда кругом очень тихо, я слышу — неясным пением подымается тоска» [6: I, с. 49]. При внешнем различии в семантике (у Бунина речь идёт о стремлении человека познакомиться с культурами других народов и эпох, а у Паустовского — о тоске по «идеальному») мотивы имеют глубинную смысловую общность. Бунинский интерес к далёким цивилизациям подпитывался той же верой в единство духовной сущности

мира, частью которого является человек, то есть тем, что он сам позже назвал «чувством Всебытия».

В стихотворении Бунина «В горах» объединены темы прапамяти, истории и творчества. Лирический герой, путешествуя в горах, взволнован запахом дыма от пастушеского костра:

<...> Тревогой странною и радостью томимо,
Мне сердце говорит: «Вернись, вернись назад!»
Дым на меня пахнул, как сладкий аромат,
И с завистью, с тоской я проезжаю мимо.

Поэзия не в том, совсем не в том, что свет
Поэзией зовёт. Она в моём наследстве.
Чем я богаче им, тем больше я поэт.

Я говорю себе, почуяв тёмный след
Того, что пращур мой воспринял в древнем детстве:
— Нет в мире разных душ и времени в нём нет! [1: с. 401].

В романе Паустовского мотивы данного стихотворения звучат в рассуждениях Винклера о прошлом. В его словах тема творчества преломляется в идее поэтического восприятия истории, в идее мифа как квинтэссенции исторического чувства: «Прошлое надо почувствовать. Ни горы, ни небо, ни вот эти камни, ни пастухи не изменились за последние сотни лет. Чёрное море осталось таким же, каким было во времена Византии и Митридата. Надо уйти в горы, ночевать у костра, пить козье молоко, прислушиваться к крикам орлов. Тогда вы узнаете не профессорскую сущность истории, а замечательное ощущение древности. Мифы оживут и станут такими же близкими, как близки нам Чехов и Франс» [6: I, с. 119–120].

В данном фрагменте можно отметить не только смысловые переключки с текстом Бунина (тема «ожившего прошлого»), но и сходство образного ряда (горы, пастухи, дым костра). Это, на наш взгляд, свидетельствует о сознательном включении Паустовским данной реминисценции в текст его произведения.

Как видим, центральный герой Паустовского своей одухотворённостью, стремлением к совершенству и отгалкиванием от обыденности приближается к знаковым героям Зайцева — Петру Лапину и Христофорову. Ощущение присутствия в мире идеального начала, порождающее необъяснимую тоску, роднит его также с лирическим героем поэзии Бунина. И хотя писатели обозначают это свойство своих героев по-разному: Бунин — прапамятью (или «чувством Всебытия»), Зайцев — «странничеством», а Паустовский — «романтикой», — можно говорить о некоторой

общности их мировоззренческих и эстетических установок. Одним из способов выражения лирико-философских идей произведения Паустовского становится введение в текст реминисценций. Мы рассмотрели лишь наиболее существенные из них, значимые для понимания целостной концепции романа, но данными примерами интертекстуальность романа не ограничивается.

Если в «Романтиках» количество прецедентных текстов и реминисценций исчисляется десятками, то в романе «Блистающие облака» их количество доходит до нескольких сотен. Это объясняется, конечно, не только большим объёмом текста, но и — как нам представляется — сознательной установкой автора на литературную игру. Обилие упоминаемых названий и имён собственных, явных и скрытых цитат наталкивает на мысль о литературном эксперименте. Данное предположение кажется убедительным еще и потому, что «Блистающие облака» — авантюрно-приключенческий роман с детективным сюжетом, по жанру не характерный для Паустовского и стоящий особняком в его творчестве. Данное утверждение, однако, носит характер гипотезы и нуждается в дальнейшей детальной проработке.

В произведениях Паустовского 1930-х годов удельный вес интертекста заметно уменьшается. Не исключено, что одной из причин этого стали общие закономерности литературного развития: усиление административного давления на искусство, тенденция к монологизации литературного процесса, навязывание писателям единого эстетического канона и преследование любых установок на художественный эксперимент. Паустовский отдал дань эпохе, обратившись в своём творчестве к «производственной» тематике и написав ряд «романов-разведок» — «Кара-Бугаз», «Колхида», «Чёрное море». В «Колхиде» интертекстуальность определена введением одного античного мотива — поиска золотого руна. В «Кара-Бугазе» прецедентные тексты практически отсутствуют.

Снижение роли интертекста в творчестве 1930-х годов не означает его полного исчезновения. Напротив, в рассказах 1940-х годов вновь начинают появляться аллюзийные цитаты и мотивные переключки с произведениями других авторов. Интересно, что наиболее значимым автором для Паустовского в этот период оказывается А.А. Блок. В ряде рассказов периода Великой Отечественной войны («Снег», «Бриз», «Белая радуга», «Дождливый рассвет») Паустовский варьирует мотив встречи незнакомых мужчины и женщины и их внезапного взаимного «узнавания». Герои этих рассказов, как правило, — творческие люди: музыканты, художники, писатели. В качестве подтекста здесь выступает лирика младосимволистов — С.М. Соловьёва и А.А. Блока, с их культом Вечной Женственности, восходящим

к философии В.С. Соловьева, и с повторяющимся мотивом ожидания встречи поэта с её неперсонифицированным воплощением. Так, строки из стихотворения С.М. Соловьева в качестве эпиграфа предпосланы рассказу «Белая радуга», а в «Дождливом рассвете» цитируется стихотворение А.А. Блока «Россия». Блоковский подтекст, вкуче с мотивом ложного «воспоминания» о предшествующих (никогда не бывших) встречах, проясняет причины рационально ничем не оправданного «узнавания» чужих людей в сюжетах рассказов Паустовского и переводит частные «эпизоды из жизни» в разряд лирико-философских новелл о поиске человеком родственной души.

Проведённый анализ романа «Романтики» и наблюдения над некоторыми другими произведениями Паустовского позволяют сделать следующие выводы. Прежде всего необходимо обозначить изменение статуса ранней прозы Паустовского (1920-х годов) как самобытного периода творчества, связанного не только с пробой пера, но и с выражением авторской философско-эстетической позиции и со смелыми литературными экспериментами. Значимую роль в поэтике этого периода играет интертекстуальность. Обилие вводимых реминисценций служит созданию многомерного смысла и проясняет авторскую концепцию произведения, а также свидетельствует о широкой эрудиции художника и многообразии его эстетических ориентиров. При этом наиболее отчетливо выражена ориентация на литературные традиции Серебряного века. В произведениях Паустовского всегда присутствует бытийный план, с которым коррелируют события сюжета. Свойственное героям и автору ощущение присутствия в реальности особого, духовного, пространства, просвечивающего сквозь обыденные факты, позволяет обозначить художественный метод писателя как неореализм.

Литература

1. Бунин И.А. Собр. соч.: в 9-ти тт. / И.А. Бунин. – Т. 1. – М.: Художественная литература, 1965. – 595 с.
2. Зайцев Б.К. Сочинения: в 11-ти тт. / Б.К. Зайцев. – М.: Русская книга, 1999–2001.
3. История русской советской литературы: в 3-х тт. – М.: АН СССР, 1960–1961.
4. Кременцов Л.П. Книга о Паустовском. Очерки творчества: учеб. пособие / Л.П. Кременцов. – М.: Жизнь и мысль, 2002. – 208 с.
5. Куделько Н.А. И.С. Тургенев и русские писатели XX века: (Б. Зайцев, К. Паустовский, Ю. Казаков) / Н.А. Куделько. – Орёл: ОГИИК, 2001. – 189 с.
6. Паустовский К.Г. Собр. соч.: в 6-ти тт. / К.Г. Паустовский. – М.: ГИХЛ, 1958.

7. Плиско Н. К.Г. Паустовский / Н. Плиско // Литературная энциклопедия: в 12-ти тт. – Т. 8. – М.: ОГИЗ РСФСР, Советская энциклопедия, 1934. – С. 482–485.

8. Смолич Ю. Паустовскому я завидую / Ю. Смолич // Воспоминания о К. Паустовском. – М.: Советский писатель, 1983. – С. 3–15.

A.V. Gromova

**Intertextuality of Early Prose by K.G. Paustovsky:
Problem Statement**

The article deals with the question of the role of intertextuality in K.G. Paustovsky's early prose. Reminiscences from B.K. Zaytsev's prose and I.A. Bunin's poetry in "The romanticists" novel are analyzed. A conceptual role of the latent citations is shown. The conclusion is drawn: there can be traced ideological and esthetic similarity between the works of the named authors. The hypothesis about the importance of intertextuality as a literary tool in K.G. Paustovsky's poetics is put forward in the article.

Key words: K.G. Paustovsky; B.K. Zaytsev; I.A. Bunin; intertextuality; reminiscences.